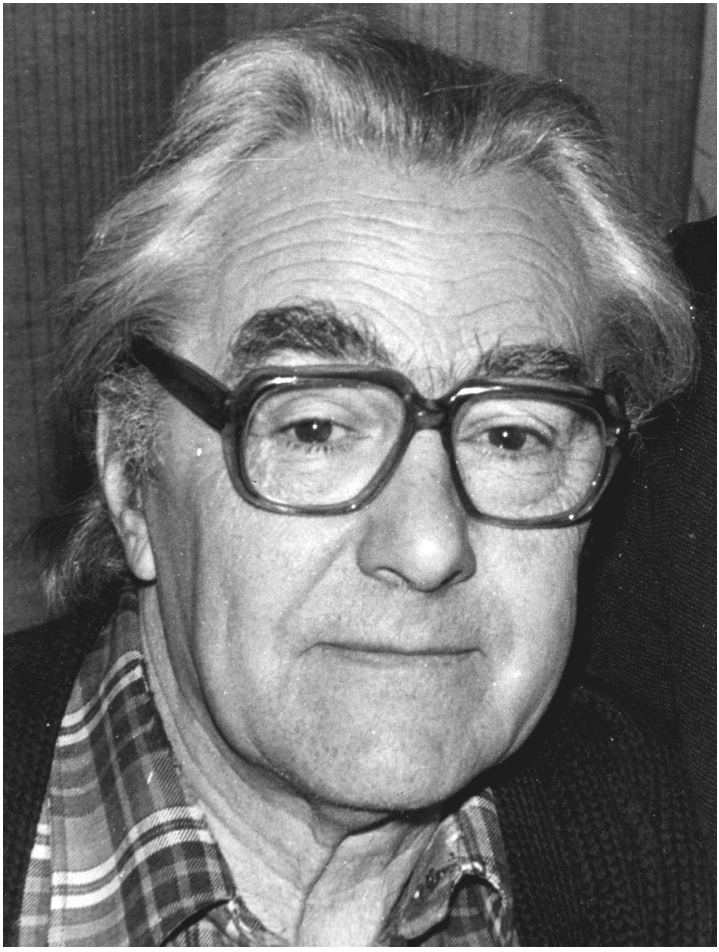

Российский Атенеум

Серия основана в 2023 г.

Российский Атенеум

Арон ГУРЕВИЧ

Индивид и социум на средневековом Западе

К 100-летию А.Я. Гуревича

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2025

УДК 94(4)"04/14"
ББК 63.3(0)4
Г 95

Серия основана в 2023 г.

Главный редактор и автор проекта «Российский Атенеум» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:
Н.С. Автономова, Е.Н. Балашова, В.В. Бычков, В.К. Кантор,
М.П. Крыжановская, Н.Б. Маньковская, В.И. Мильдон, И.И. Ремезова,
Е.Л. Скворцова, П.В. Соснов, Н.Н. Трубникова

Научный редактор Г.Э. Великовская
Серийное оформление П.П. Ефремов

Г 95 **Гуревич А.Я.**
Индивид и социум на средневековом Западе / 3-е изд. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. – 424 с. (Серия «Российский Атенеум»)

ISBN 978-5-98712-974-6

Современные исследования по исторической антропологии и истории ментальностей, как правило, оставляют вне поля своего внимания человеческого индивида. В тех же случаях, когда историки обсуждают вопрос о личности в Средние века, их подход остается элитарным и эволюционистским: их интересуют исключительно выдающиеся деятели эпохи, и они рассматривают вопрос о том, как постепенно, по мере приближения к Новому времени, развиваются личность и индивидуализм. В противоположность этим взглядам автор придерживается убеждения, что человеческая личность существовала на протяжении всего Средневековья, обладая, однако, специфическими чертами, которые глубоко отличали ее от личности эпохи Возрождения. Не ограничиваясь характеристикой таких индивидов, как Абеляр, Гвибер Ножанский, Данте или Петрарка, автор стремится выявить черты личностного самосознания, симптомы которых удается обнаружить во всей толще общества. «Архаический индивидуализм» – неотъемлемая черта членов германо-скандинавского социума языческой поры. Утверждение сословно-корпоративного начала в христианскую эпоху и учение о гордыне как самом тяжком из грехов налагали ограничения на проявления индивидуальности. Таким образом, невозможно выстроить картину плавного прогресса личности в изучаемую эпоху. По убеждению автора, именно проблема личности вырисовывается ныне в качестве центральной задачи исторической антропологии.

ISBN 978-5-98712-974-6

© С.Я. Левит, автор проекта «Российский Атенеум», составитель серии, 2025
© П.М. Аркадьев, правообладатель, 2025
© Центр гуманитарных инициатив, 2025

О КНИГЕ

Посвящаю эту книгу
памяти Эсфири — жены
и друга, первого читателя
и строгого критика моих работ

К читателю

Сюжет предлагаемой читателю книги — человеческая личность Средневековья. И тут сразу может возникнуть сомнение: правомерна ли вообще постановка вопроса о личности в ту эпоху? В исторической науке все еще преобладает идея, согласно которой «открытие человека» впервые состоялось, собственно, лишь на излете Возрождения, когда гуманисты выдвинули новое понятие индивида. В средневековую же эпоху, если принять этот взгляд, человек по сути дела был лишен индивидуальности и якобы всецело поглощался сословием, к которому принадлежал.

С этим-то взглядом я никак не могу согласиться, хотя бы уже потому, что он изначально исключает возможность и необходимость изучать человека Средневековья. Не окажется ли куда более плодотворным иной подход, согласно которому историку надлежало бы не игнорировать личность в Средние века и не взирать на нее свысока, но попытаться всмотреться в нее и увидеть ее конститутивные особенности? Совершенно очевидно, что средневековая личность была во многом и, может быть, в главном иной, нежели личность новоевропейская.

«Познай самого себя» — этот призыв дельфийского оракула неоднократно повторяли средневековые авторы. Во все эпохи истории у человека не могла не возникать потребность вдуматься в собственную сущность, но в разные времена эта потребность удовлетворялась на свой особый лад. В Средние века, при господстве религиозности, размышления индивида о самом себе неизбежно влекли за собой необходимость разграничения и противопоставления грехов и добродетелей.

Одним из главнейших средств подобного самоанализа была исповедь: верующий должен был поведать духовному лицу-исповеднику о своих прегрешениях и получить отпущение грехов. В раннехристианский период исповедь была публичной и человек должен был каяться в присутствии собратьев; затем исповедь

стала индивидуальной и тайной. Грешник исповедывался Богу, представителем которого было духовное лицо. В начале XIII в. ежегодная исповедь была вменена каждому верующему в качестве обязательной. О содержании подобных признаний мы, естественно, можем лишь догадываться, но на протяжении всего Средневековья, примерно с IV до XV столетия, встречались образованные люди, как правило, духовного звания, которые испытывали настоятельную нужду в том, чтобы придать собственной исповеди литературное обличье. Историкам известно около полутора десятков сочинений исповедального или автобиографического жанра, относящихся к указанным столетиям. В их числе «Исповедь» Аврелия Августина, «Одноголосая песнь» Гвибера Ножанского, «История моих бедствий» Петра Абеляра... Выстроить из этих произведений определенную линию развития едва ли возможно — для этого материала явно недостаточно.

Тем не менее изучение такого рода текстов позволяет несколько ближе познакомиться с внутренним миром человека далекой эпохи. В этих «исповедях», «автобиографиях» и «апологиях», при всех их умолчаниях и формулах, содержащих повторяющиеся в разных сочинениях общие места, подчас содержатся признания, ценные для понимания мировоззрения образованных людей, прежде всего людей духовного звания.

Автор исповедального произведения стоял пред лицом Творца и знал, что Богу известны не только дела его, но и самые помыслы. Поэтому приходится предположить наличие своего рода «диалога» между грешником и Создателем. Более того, человек Средневековья был буквально одержим мыслью о грядущем Страшном суде. Некоторые историки называют христианство «судебной религией», но в таком случае ясно, что средневековый христианин не мог избавиться от чувства личной ответственности. Ад и рай (равно как и чистилище) постоянно присутствовали в его сознании и определяли его.

Но индивид, вступавший на страницах собственной исповеди в диалог с Богом, не оставался наедине с собой. Он ощущал свою принадлежность к социуму, принадлежность, которая требовала от него не только определенных навыков и поступков, но и предъявляла императивные требования к его нравственному и религиозному сознанию. Он всегда и неизбежно принадлежал к некоей группе, а точнее говоря — к разным коллективам. Человек, по определению Аристотеля, — «общественное животное», и только в рамках социума он и может обособиться. Система ценностей и правил общественного поведения, свойственная тому или иному коллективу, во многом и решающем формировала взгляды индивида на мир и на самого себя.

Таким образом, изучение человеческой личности приходится вести по меньшей мере в двух регистрах. С одной стороны, принципиально важен вопрос о том, что представляли собой те общественные и профессиональные группы, в недрах которых формировался и действовал индивид. Ибо структура индивида, принадлежавшего к рыцарскому сословию, существенно отличалась от структуры личности горожанина — члена ремесленного цеха и городской коммуны. И тем, и другим, благородным или бюргерам, противостояла масса крестьян, у которых ведь были собственные представления о мире и человеке, представления, которые вплоть до самого недавнего времени не были предметом внимания историков.

Очень важно вдуматься в структуру тех групп и коллективов, которые входили в состав средневекового общества. Верно ли утверждение о том, что социум целиком, чуть ли не без остатка поглощал индивида? Не оказывался ли отдельный человек сплошь и рядом в таких ситуациях, когда ему приходилось опираться на собственные силы? Это касалось не только его практической деятельности, но и ставило личность перед проблемами нравственного и религиозного свойства.

С другой же стороны, надо вновь и самым внимательным образом вчитаться в те средневековые тексты, в которых их авторы силятся поведать своим современникам и отдаленным потомкам о том, каковы они, эти авторы, были. В той части моей книги, в которой содержится анализ исповедей и иных показаний автобиографического и биографического свойства, читатель без труда найдет явные диспропорции. Скажем, таким колоссальным фигурам, как Данте и Петрарка, отведено места куда меньше, чем относительно безвестным персонажам типа францисканца Бертольда из Регенсбурга или полубезумного клирика Опицина. Но для такого смещения акцентов, я убежден, имеются достаточно веские основания, и о них пойдет речь в книге.

В поле зрения исследователей западноевропейской средневековой культуры, как правило, преобладают источники, относящиеся к романизованным регионам континента. Германо-скандинавский мир остается в тени. Между тем при изменении перспективы нас поджидают неожиданности. Мир песней «Старшей Эдды» и исландских саг предстает перед нами миром, который я решился определить как мир «архаического индивидуализма». Рассмотрению соответствующих источников посвящена немалая часть книги.

Итак, повторю призыв классика: «За мной, читатель!»

Об этой книге

Мой путь к теме «человеческая личность в средневековой Европе» был долгим. Он наметился еще во время работы над «Проблемами генезиса феодализма в Западной Европе» (1970). Более ощутимо тема эта стала вырисовываться в ходе анализа древнескандинавских поэтических и прозаических текстов (см. книги «История и сага» и «“Эдда” и сага»). Завершая монографию «Категории средневековой культуры», я убедился в необходимости сосредоточить внимание именно на человеческой личности, ибо она является тем фокусом, вокруг которого и располагаются такие категории, как время, труд, собственность, право и др. Однако в упомянутой книге личность средневекового человека еще не стала предметом специального анализа, и самый этот сюжет отчасти трактовался мною в традиционном эволюционистском ключе.

В дальнейших работах мне приходилось все вновь и вновь к нему возвращаться. Даже занимаясь, на первый взгляд, совсем другими вопросами, я оказывался, подчас невольно, лицом к лицу все с той же загадочной фигурой. Логика изучения средневековой культуры неуклонно подводила меня к теме человека, его самосознания и интерпретации в текстах. Поэтому, когда в 1989 г. Жак Ле Гофф предложил мне написать книгу «Индивид на средневековом Западе» для задуманной им многотомной серии под общим названием «Строить Европу», я ответил согласием.

Книга была написана в начале 90-х годов и опубликована на нескольких языках (но не на русском)[1]. Теперь, подготавливая русское издание, я понял, что не могу предложить читателю прежний вариант книги. Тому существуют веские основания.

На протяжении последних лет к проблеме средневекового индивида обратился ряд ученых, которые по-своему ее разрабатыва-